

А. В. Сушко

От «революционной законности» к «революционной целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья)

*Сушко Алексей
Владимирович*
доктор исторических
наук, профессор,
Омский
государственный
технический
университет; Омский
автобронетанковый
инженерный
институт (Омск,
Россия)

После завершения крупномасштабной Гражданской войны руководство коммунистической партии приняло решение о реформировании органов безопасности советского государства. Эта идея была озвучена В. И. Лениным на IX съезде Советов в декабре 1921 г. Реформа была проведена в феврале 1922 г. ВЧК оказалась упразднена и вместо нее создано Государственное политическое управление (ГПУ). Исследователь советской терминологии Д. М. Фельдман считает реформу советских спецслужб пропагандистским ходом, направленным на создание положительного имиджа власти. Он описывает предложенную В. И. Лениным для внедрения в общественное сознание простую и легко запоминающуюся идеологию: «Прежде была Гражданская война, “военный коммунизм”, в основе которого “красный террор”, что выражалось в репрессиях, практикуемых ВЧК. Ныне — мирный период, “новая экономическая политика”, основывающаяся на революционной законности, поэтому репрессий не будет, ведь и ВЧК уже нет»¹.

Большинство историков сходятся во мнении, что реформа советских спецслужб не была радикальной. Органы ГПУ унаследовали необычные формы и методы работы ВЧК. В связи с этим Алтер Литвин пишет о специфике реформы советских органов государственной безопасности

так: «ВЧК была вооруженной спецслужбой элиты большевистской партии... Опыт выполнения преступных приказов, организации фальсифицированных процессов, провокаций и произвола сочетался в ее деятельности с успешными контрразведывательными и разведывательными операциями. Упразднение ВЧК и ее реорганизация в ГПУ и в ноябре 1923 г. в ОГПУ мало что меняли в направленности действий по борьбе с инакомыслием для сохранения и укрепления режима. Это чрезвычайное и совсем не временное учреждение активно функционировало в стране, где “чрезвычайщина” была обычным, а не исключительным явлением»². В целом соглашаясь с приведенной оценкой советских реалий, отметим, что в ходе реформы советских спецслужб все же была предпринята попытка, основываясь на принципе «революционной законности», организовать их работу в правовом поле под контролем государства.

Цели утверждения «революционной законности», ограничивающей право советских органов безопасности на бесконтрольные репрессии, служил прокурорский надзор, введенный в мае 1922 г. В обязанности советской прокуратуры входило «непосредственное наблюдение за деятельностью органов дознания и ГПУ». Однако уже 16 октября 1922 г. ВЦИК специальным декретом ограничил полномочия прокурорского надзора по политическим делам, которые расследовали органы ГПУ. В части декрета, не подлежащей публикации в печати, ограничивались функции прокурорского надзора по наблюдению за следствием и дознанием по делам политическим и по обвинению в шпионаже (ст. 55–77 и 213 Уголовного кодекса РСФСР)³.

С момента создания органов ГПУ и прокуратуры в правоохранительную систему Советской России, а затем и СССР было заложено противоречие. С одной стороны, «революционную законность» в правовом поле должны были защищать, руководствуясь законом, суды и прокуратура. С другой стороны, на ее страже стояли унаследовавшие чекистские традиции органы ОГПУ. В интересах правящей партии в своей практической деятельности они руководствовались принципом «целесообразности». Г. С. Агабеков, проходивший службу в органах ОГПУ в 1920-е гг., откровенно описал его как основной принцип деятельности чекистского ведомства: «Основной революционный закон — закон целесообразности. В этом ведь коренная разница между нашими и буржуазными законами. Так нас учила и учит наша партия»⁴. Историк отечественных спецслужб А. М. Плеханов также пишет об этом: «Политическая целесообразность — вот что было в основе карательной политики Советской власти. Подмена закона и законности революционной целесообразностью была весьма характерна для В. И. Ленина и его сподвижников»⁵. На протяжении 1920-х гг., в зависимости от складывавшейся в стране ситуации, верхушка правящей партии, руководившая органами ГПУ и прокуратуры, определяла точку опоры своей политики, делая акценты на «революционной законности» или «целесообразности» и выступала в роли арбитра в случае конфликтов между сотрудниками органов ГПУ и прокуратуры.

Историки отечественных спецслужб отмечают, что с появлением прокуратуры отношения между сотрудниками ГПУ и прокуратуры были далеки от идеала. В связи с этим исследователь О. Б. Мозохин пишет: «Отношения с органами прокуратуры у чекистов не были безоблачными еще и потому, что представители прокуратуры

часто указывали на превышение органами ОГПУ своих прав и на отступление от буквы закона. [Руководство органов ОГПУ считало, что] СССР не может быть в безопасности без прав ОГПУ, за которые как ведомство ОГПУ не держится... [полагая при этом, что] во главе прокуратуры должны быть борцы за победу революции, а не люди статей и параграфов... Народный комиссариат юстиции готовит для пошлой “демократии” идеологические силы и растлителей революции»⁶.

Большое значение для успешной организации государственного контроля за спецслужбой имела ситуация в отдельных регионах страны. Как отмечает исследователь А. В. Бровкин, «уже в 1920-е гг. в ряде регионов прокуроры сталкивались с проявлением местничества, с сопротивлением контролю, осуществляемому ими»⁷. Обстановка в регионах лишь фрагментарно отражена в работах историков. А. М. Плеханов отмечает, что «во взаимоотношениях между органами ОГПУ и прокуратурой в некоторых губерниях наблюдались трения и разногласия, иногда выливавшиеся в серьезные конфликты (Орловская, Псковская, Костромская губернии, Карельская область и др.)»⁸. Взаимоотношения органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье в годы новой экономической политики (нэпа) еще не стали предметом исторического анализа. Их изучение — цель данной работы. Оно поможет более полно представлять ситуацию в Сибири и в стране в целом.

Омское Прииртышье — это территория современной Омской области с центром в городе Омске. В 1920-е гг. Омское Прииртышье — один из крупнейших регионов Сибири с преимущественно крестьянским населением и стратегически важным железнодорожным узлом. Структура органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье зависела от административно-территориального деления Сибири. Омский Губернский отдел (губотдел) ГПУ — ОГПУ с 1922 по 1925 г. обеспечивал государственную безопасность на территории Омской губернии, находясь под контролем губернского прокурора. В 1925 г. в ходе реформы управления Сибирью на территории Омской губернии были образованы самостоятельные Омский, Тарский и Славгородский округа в составе Сибирского края и созданы Омский, Тарский и Славгородский окружные отделы (окротделы) ОГПУ. Соответственно они находились под контролем окружных прокуроров.

Омская губернская прокуратура была организована 17 октября 1922 г. В ее составе было три отделения: общего надзора, наблюдения за органами следствия и дознания и секретариат⁹. Свою деятельность первый омский губернский прокурор В. В. Мокеев начал с того, что всем помощникам прокурора Омской губернии приказал: немедленно произвести осмотр всех мест заключения (и впоследствии производить осмотр не реже двух раз в месяц); освободить из-под стражи всех незаконно заключенных; предупредить органы дознания, что за незаконное лишение свободы будут привлекаться к ответственности; устранить все неформальности внутреннего быта и распорядка; вызвать к себе начальников городской милиции, уголовного розыска, уполномоченного ГПУ и «путем собеседования с ними удостовериться в знании ими Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, предупредить их, что всякое нарушение законности неминуемо повлечет за собой предание виновных суду»; строжайше наблюдать за неукоснительным исполнением названными лицами их служебных обязанностей¹⁰.

В соответствии с политикой правящей партии и действующим законодательством в первой половине 1920-х гг. в Омской губернии органами прокуратуры осуществлялся надзор за соблюдением законности органами ГПУ — ОГПУ. Заслуживающих внимания резонансных конфликтов на территории губернии между работниками прокуратуры и сотрудниками спецслужб не было отмечено. Об этом свидетельствуют отчеты Омского губернского прокурора, который в условиях нэпа, когда для государства особенно была важна работа экономических подразделений органов безопасности, особое внимание обращал на работу экономического отделения губотдела ГПУ. Так, в отчете прокурора Омской губернии за январь — апрель 1923 г. отмечалось «отсутствие квалифицированных работников» среди сотрудников ГПУ, занимавшихся экономическими вопросами. По мнению прокурора, это привело к тому, что «какой-либо определенной системы в зависимости от обстановки НЭП и местных действий в деле борьбы с хозяйственными преступлениями у ГОГПУ (Губернского отдела ГПУ. — А. В.) нет, методы работы остаются преимущественно старые чекистские... Как РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция. — А. В.), так и ГОГПУ в лице экономического отделения не сумели должным образом использовать имеющийся у них богатейший материал по развитию частного капитала и его соревнований на рынках с капиталом государственных хозяйственных учреждений... Конъюнктура рынка и биржа остаются не в поле зрения этих органов, а если и просматриваются соответствующие бюллетени, то чисто случайно, без плана, связи и системы»¹¹. Приведенный фрагмент отчета свидетельствует о том, что прокуратура беспрепятственно выполняла свои надзорные функции. Прокурор Омской губернии в своем отчете позволял себе довольно острую критику работы местных чекистов, и это не вызывало конфликтов между прокуратурой и органами безопасности в регионе.

Описанная ситуация соответствовала политике советского государства, активно пропагандировавшего «революционную законность», на защите которой стояли органы прокуратуры. В связи с этим в материалах, изданных в Омске к VI съезду советов Омской губернии, говорилось: «Советская прокуратура — учреждение для осуществления надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти»¹². Сложившиеся отношения с органами ГПУ — ОГПУ полностью устраивали Омского губернского прокурора, который в отчете за июнь — август 1923 г. писал: «Работа прокурорского надзора с Ом Губ От ГПУ (Омским губернским отделом ГПУ. — А. В.) протекает в полном контакте. Никаких разногласий нет. Представители администрации, а равно и сотрудники ГО (Губернского отдела. — А. В.) ОГПУ обращаются к представителям прокуратуры за советами и разъяснениями»¹³. Подобное положение дел описывается историками и на материалах других регионов. М. Н. Петров, обратившись к анализу взаимоотношений органов прокуратуры и ОГПУ в первой половине 1920-х гг. на материалах Северо-Запада России, отмечал, что «взаимоотношение этих учреждений постепенно приобретало деловой характер. Работники прокуратуры оказывали большую помощь чекистам в повышении уровня правовых знаний и квалификации»¹⁴.

Важно отметить, что до 1927 г. органы ОГПУ с пониманием реагировали на вмешательство прокуратуры в следственные действия и по политическим делам. Так, бывший белый офицер, деникинец Н. И. Рогозин, высланный в Омск

из Ярославля, на основании Постановления Омского губернского отдела ОГПУ от 10 октября 1924 г. был подвергнут личному задержанию и заключению под стражу при Омском губернном отделе ОГПУ до выяснения личности. Кубанский окружной отдел ОГПУ не ответил на запросы своих омских коллег по поводу личности Н. И. Рогозина. В результате, как отмечает исследователь Д. И. Петин, «чекисты, не имея веских причин, не могли содержать Николая Рогозина под стражей. Поэтому на основании постановления помощника прокурора при Омском губернном отделе ОГПУ Валегова из-за отсутствия у следствия обвинительных сведений Н. И. Рогозин 23 декабря 1924 г. был освобожден»¹⁵. Такое состояние взаимоотношений местных органов прокуратуры и спецслужб соответствовало советскому законодательству и до 1927 г. в Омском Прииртышье не изменялось. В регионе не отмечалось общественно значимых, резонансных конфликтов работников прокуратуры и сотрудников ОГПУ. Отчетный доклад Омской окружной прокуратуры за первое полугодие 1927 г. содержит информацию о вполне нормальных, бесконфликтных отношениях органов прокуратуры и ОГПУ. При этом окружной прокурор признавал, что «надзор за органами ГПУ в отчетном периоде не был в достаточной степени осуществлен: обследований не было, инструктивных совещаний не проводилось и лишь было несколько посещений органов ГПУ лицами прокурорского надзора»¹⁶.

1927 г. стал временем коренного изменения практики взаимоотношения органов ОГПУ и прокуратуры. Правящая партия сделала выбор между «революционной законностью», поддерживавшейся органами прокуратуры, и «революционной целесообразностью», практиковавшейся чекистами, в пользу последней. В 1927 г. игнорируя действовавшие в СССР нормы права, правящая партийная номенклатура фактически вывела сотрудников спецслужб из-под надзора органов прокуратуры. Властями был введен запрет самостоятельного возбуждения прокуратурой дел против работников ОГПУ. С 1927 г. такие дела могли быть возбуждены исключительно по инициативе ОГПУ или партийных органов. Изменение характера отношений органов прокуратуры и ОГПУ в Омском Прииртышье, произошедшее во второй половине 1927 г., отражало ситуацию по стране в целом.

Ничем не примечательное на первый взгляд «дело Г. С. Парыгина» принципиально изменило отношения между ОГПУ и прокуратурой в Омском Прииртышье. В книге памяти жертв политических репрессий в Омской области о Г. С. Парыгине приводятся краткие сведения: «Парыгин Гаврил Степанович. Родился в 1890 г. Уроженец и житель д. Увальная Бития Саргатского р-на Сибкрая. Русский, инвалид. Арестован 6 июня 1927 г. Приговорен 7 октября 1927 г. Особым совещанием при коллегии ОГПУ по ст. 58-4 УК РСФСР к трем годам лишения свободы в ИТЛ. Реабилитирован 23 мая 1962 г. президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления»¹⁷. Материалы следственного дела Г. С. Парыгина скупы и не позволяют понять причины его ареста. В обвинительном заключении, подготовленном сотрудниками ОГПУ, Парыгину вменялось, что «он высказывал свои намерения вступить в белогвардейскую организацию, распространял контрреволюционные слухи о предстоящей, якобы, войне Китая с СССР, дискредитировал советское руководство»¹⁸. В ходе всего следствия Г. С. Парыгин свою вину отрицал. На одном из первых допросов подследственный заявил: «Обвинения не признаю, а лишь были

иногда разговоры из газетных материалов, но этого я не считал контрреволюционным»¹⁹. Г. С. Парыгин не дал признательных показаний, на основании которых его можно бы было приговорить к тюремному заключению даже в то время. Однако беспредельно широкая формулировка ст. 57 УК РСФСР позволила Полномочному представительству ОГПУ (ПП ОГПУ) по Сибири его осудить.

Для характеристики отношений органов ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье большое значение имеет анализ процедуры следствия в отношении Г. С. Парыгина. Ход расследования его дела был подробно отражен в Докладной записке Прокурора Омского округа Федора Семеновича Кайкова, занимавшего эту должность с 15 октября 1926 г. и имевшего пятилетний стаж работы в органах прокуратуры. Докладная записка окружного прокурора по своей сути была жалобой на местное партийно-государственное руководство региона, а также начальника окружного отдела ОГПУ. Она была адресована в Омскую окружную контрольную комиссию, Омский окружном ВКП, Сибкрайком ВКП, Краевому прокурору Сибири и Прокурору Республики. Документ начинался с показательной цитаты из письма В. И. Ленина к И. В. Сталину для Политбюро «О “двойном” подчинении и законности», в которой шла речь о «местных влияниях» в партии. Ф. С. Кайков приводил следующие слова вождя революции: «НЕТ СОМНЕНИЯ, ЧТО МЫ ЖИВЕМ В МОРЕ БЕЗЗАКОННОСТИ И ЧТО МЕСТНОЕ ВЛИЯНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ, ЕСЛИ НЕ ВЕЛИЧАЙШИМ ПРОТИВНИКОМ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И КУЛЬТУРНОСТИ. ЕДВА ЛИ КТО-ЛИБО НЕ СЛЫХАЛ О ТОМ, ЧТО ЧИСТКА ПАРТИИ ВСКРЫЛА, КАК ПРЕОБЛАДАЮЩИЙ ФАКТ, В БОЛЬШИНСТВЕ МЕСТНЫХ ПРОВЕРОЧНЫХ КОМИССИЙ СВЕДЕНИЕ ЛИЧНЫХ И МЕСТНЫХ СЧЕТОВ НА МЕСТАХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЧИСТКИ ПАРТИИ». В оригинале ленинского письма этот текст был написан строчными буквами²⁰. Подчеркивая его важность, прокурор выделил указанный фрагмент прописными буквами. Это высказывание приводилось для того, чтобы с опорой на авторитет В. И. Ленина охарактеризовать сильное «местное влияние» в Омском округе, породившее «тенденцию игнорирования прокуратуры», исходившую от партийно-государственного руководства округом и поддержанную начальником Омского окружного отдела ОГПУ²¹. В заключении своей жалобы Ф. С. Кайков приходил к выводу, что «при таком нарушении прав прокуратуры, при бюрократических подходах к разрешению вопросов, при известном давлении на работников прокуратуры, прокуратура, как таковая, существовать не может, что наплевательское отношение к заветам т. Ленина нужно расценивать как антипартийные шаги»²². В качестве наглядного примера своей правоты окружной прокурор подробно описал ход расследования «дела Г. С. Парыгина» и борьбу вокруг него прокуратуры с органами ОГПУ и партийным и советским руководством региона, поддержавшим чекистов.

Органами ОГПУ «дело Г. С. Парыгина» велось медленно и не приносило существенных результатов. Чекистами были нарушены сроки содержания подследственного под стражей. Поэтому прокурор Омского округа Ф. С. Кайков 22 августа 1927 г. вынес постановление об его освобождении из-под стражи, обязав его подпиской о невыезде. Это решение было подкреплено следующими аргументами: «1) гр. Парыгин содержится под стражей с 6 июня (т. е. 2 с половиной месяца); 2) что разрешения ВЦИК на дальнейшее содержание под стражей

гр. Парыгина нет (ст. 15 инструкции по наблюдению за органами ГПУ от 1/X 22 г.); 3) что на основании ст. 15 той же инструкции гражданин Парыгин содержится под стражей незаконно»²³. Неожиданно для себя окружной прокурор встретил жесткое противодействие органов ОГПУ в этом деле. Игнорируя органы прокуратуры, начальник контрразведывательного отделения Омского окротодела ОГПУ Фильроде 3 сентября 1927 г. вынес постановление об аресте Парыгина, так как, по мнению чекистов, «Парыгин является социально опасным элементом, может скрыться от наказания»²⁴. Постановление органов ОГПУ игнорировало мнение прокуратуры. Оно подрывало авторитет прокуратуры и ставило ее руководителя в неудобное положение.

Прокурор Омского округа незамедлительно обжаловал указанное постановление органов ОГПУ в прокуратуру края, но до марта 1928 г. не получил ответа. Приведем фрагмент из жалобы прокурора, который для анализа характера взаимоотношений органов ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье весьма показателен. Прокурор Ф. С. Кайков писал: «В моей пятилетней практике это первый пример прямого, ничем не прикрытого игнорирования прокурорского надзора. Этот пример не дает в дальнейшем правильно осуществлять прокурорский надзор за органами ГПУ и ставит деловые взаимоотношения Прокуратуры с Окротделом ГПУ в ненормальные отношения»²⁵.

В ответ на действия прокурора Омского округа начальник Омского окротодела ОГПУ Д. В. Шленов вынес рассмотрение этого дела в партийные органы. Д. В. Шленов обладал значительным авторитетом среди регионального партийного руководства. Он был участником Октябрьских событий, членом ВРК Лефортовского района Петрограда. Воевал с немцами в отрядах Красной гвардии²⁶. Под влиянием Д. В. Шленова местное партийное руководство всецело встало на сторону органов ОГПУ. В свою очередь, окружной прокурор Ф. С. Кайков настаивал на своей правоте, вступая в прямую конфронтацию с местными чекистами и руководством региона. Он подготовил вышеуказанную докладную записку (жалобу). В ней сообщалось о реакции местных партийно-государственных функционеров (председателя окружного исполкома Лобанова и секретаря окружкома Филатова) на конфликт прокуратуры с ОГПУ. В связи с этим Ф. С. Кайков писал: «В разговоре со мною указывалось на то, что “прокуратура не может освободить политического заключенного и что действия прокуратуры в политическом отношении являются ляпсусом и т. д.”. В этом же разговоре мне было сказано, что “мы не сменяем органы ГПУ на органы прокуратуры”, что “органы ГПУ доказали свою ценность их для дела революции, и органы прокуратуры ничего не доказали”. Спорить о том, какой орган ценный, я не стал»²⁷. Обращает на себя внимание оценка деятельности органов ОГПУ, данная партийным руководством округа. Для партийных руководителей «ценность» чекистского ведомства была бесспорна. Они прекрасно знали, что находятся у власти в значительной степени благодаря работе чекистов. В то же время формальные процедуры соблюдения законности региональное партийно-государственное руководство не волновали. Поддержка местной номенклатуры узаконила действия чекистов, создавая почву для игнорирования органами ОГПУ принципа «революционной законности» и широкого применения принципа «революционной целесообразности». Она привела к ослаблению надзорной роли

прокуратуры, сдерживавшей незаконные репрессии. Постепенно наступало время произвола и беззакония в отношении советских граждан.

Оценивая последствия этого, прокурор Ф. С. Кайков приводил чрезвычайно показательный документ — служебную записку из Омского окротдела ОГПУ от 28 февраля 1928 г. № 968, согласно которой «Омский окротдел ОГПУ просил распоряжения о том, чтобы свидания с арестованными, числившимися за Омским окротделом ОГПУ, ПП ОГПУ по Сибкраю и Коллегией ОГПУ, разрешались лишь исключительно по разрешениям, выдаваемыми Омским окротделом ОГПУ. Разрешения прокуратуры на таковые свидания просим считать недействительными. Выдача арестованных тех же категорий, согласно записки ОГПУ, должна была производиться исключительно с разрешения чекистов»²⁸. Приведенный прокурором документ, исходивший от органов ОГПУ, игнорировал нормы советского законодательства о прокуратуре.

К началу 1928 г. в Омском Прииртышье прокуратура потеряла авторитет и не имела поддержки со стороны партийного аппарата. Сотрудники прокуратуры не могли исполнять своих обязанностей по контролю за соблюдением законных прав граждан, находившихся под следствием органов ОГПУ. Подчеркнем, что это произошло раньше, чем начались массовые политические репрессии в отношении советских граждан, связанные со свертыванием нэпа и началом массовой коллективизации сельского хозяйства. Складывавшаяся практика игнорирования органами ОГПУ прокурорского надзора являлась предпосылкой для них.

Закономерным было то, что Г. С. Парыгин попал в число реабилитированных советским судом в 1960-е гг., когда с граждан снимались обвинения, очевидно сфальсифицированные следственными органами. Из Постановления Омского областного суда по реабилитации Г. С. Парыгина от 23 мая 1962 г. можно судить о беззаконии, творившемся чекистами в отношении него. В документе говорилось, что «Парыгин привлечен к ответственности за антисоветскую агитацию, но по непонятным основаниям он почему-то осужден по ст. 58-4 УК РСФСР. В деле нет доказательств о виновности осужденного ни по ст. 58-10, ни по ст. 58-4 УК РСФСР (на предварительном этапе следствие вообще велось по ст. 58-16 УК РСФСР. — А. С.). Допрошенные же предварительным следствием свидетели Киселев, Партнягина, Тышнова и Гордеев об антисоветской деятельности осужденного вообще ничего не показали. Тышнова и Гордеев заявили, что во время выпивки в квартире Парыгина, между ним и его родственником Хохловым П. И. (коммунистом) имел место спор о проданном наследственном доме, за который часть денег требовал Хохлов. Свидетель Науменко Н. Л. на допросе в августе 1927 г. хотя и показал, что Парыгин в пьяном виде у себя на квартире допустил неправильные высказывания в отношении войны и коммунистов, но им это было сделано после того, как он предупредил присутствующих, что будет “злить” родственника Хохлова. О виновности Парыгина имеются одни показания Хохлова, однако их нельзя признать за доказательства, так как они не конкретны и исходят от лица, находящегося с осужденным в неприязненных отношениях»²⁹. Постановление Омского областного суда по делу Парыгина свидетельствовало о том, что на территории Омского Прииртышья уже в 1927 г. сотрудники органов ОГПУ были не ограничены в средствах воздействия на советских граждан.

Материалы следственного дела Г. С. Парыгина свидетельствуют, что оно возникло в результате доноса родственника, позарившегося на имущество. Весьма образно писал об эпохе сталинизма известный российский писатель Сергей Довлатов: «Мы без конца проклинаям товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов? (Эта цифра фигурировала в закрытых партийных документах.) Дзержинский? Ежов? Абакумов с Ягодой? Ничего подобного. Их написали простые советские люди»³⁰. Дело Г. С. Парыгина, инициированное не государством, а родственником, является ярким примером незаконных политических репрессий, проводившихся в результате инициативы низов. Такая инициатива была массовым явлением советской жизни уже с конца 1920-х гг. Она стала важнейшей предпосылкой для массовых политических репрессий, инициированных властью, уверенной в поддержке своих действий населением.

С конца 1920-х гг. потребность правящей партии в проведении органами ОГПУ репрессивной политики в отношении крупных социальных групп населения привела к тому, что уже не прокуратура осуществляла контроль за органами ОГПУ, а чекисты вели наблюдение за органами прокуратуры. Такое положение дел иллюстрирует докладная записка ОГПУ «О состоянии административно-судебных органов на 1 декабря 1929 г.». Документ имел гриф «совершенно секретно». В нем была дана подробная характеристика состояния дел в омских судах и прокуратуре с точки зрения текущей политической ситуации, определенной руководством правящей партии. Документ начинался с характеристики партийной принадлежности работников прокуратуры в Омском округе, где из 72 чел. коммунистами были 19 чел. и комсомольцами 4 чел.³¹ В записке обращают на себя два момента. Во-первых, сотрудники ОГПУ докладывали, что «в судебных и следственных органах имеется значительная засоренность аппарата чуждым и разложившимся элементом, но мер к своевременному очищению последнего не принимается»³². Во-вторых, сотрудники ОГПУ докладывали партийному руководству, что «со стороны некоторых судебных органов и отдельных судработников наблюдалась недостаточная защита бедняков, слабость карательной политики и переквалификация обвинений (смягчающая вину) и защита кулачества... Имеются случаи сведения дел следствием и судом к простым хулиганским, без учета положения на селе, с чисто формальным подходом»³³. В документе содержались крайне критические оценки деятельности судов и прокуратуры, основанные на традиционном для сознания чекистов принципе «революционной целесообразности». В то время в чекистской работе он традиционно являлся приоритетным по отношению к принципу «революционной законности». Показательно, что изменение характера взаимоотношений органов ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье хронологически совпадает с ситуацией на Урале, где, согласно исследования Г. Т. Камаловой, «начиная с 1926–1927 гг. в отчетах Прокурора Уральской области исчезают резкие высказывания в адрес органов ОГПУ и их сотрудников, явно прослеживается стремление к компромиссу и признание притязаний ОГПУ на особое положение в структуре правоохранительных органов»³⁴.

Таким образом, с введением института прокурорского надзора до середины 1927 г. на территории Омского Прииртышья органы прокуратуры, в соответствии

со своими полномочиями, успешно осуществляли государственный контроль за соблюдением органами ОГПУ законодательства. С середины 1927 г. стало очевидно, что характер отношений органов ОГПУ и прокуратуры изменился. Особенно наглядно это иллюстрировал пример «дела Парыгина». Чекисты при поддержке местной партийной элиты могли игнорировать прокурорский надзор, дискредитируя этим органы прокуратуры. Более того, в то время органы безопасности стали активно надзирать за работой органов прокуратуры. Чекисты докладывали партийному руководству неприглядные факты о работниках прокуратуры и их деятельности. Несмотря на то что формально ОГПУ оставалось поднадзорным прокуратуре ведомством, теперь уже неформально прокуратура стала поднадзорна органам ОГПУ. Такая практика являлась доказательством утверждения в советском обществе во второй половине 1920-х гг. примата «революционной целесообразности», исходившей от органов ОГПУ, получавших приказы от руководства правящей коммунистической партии, над «революционной законностью», которую должны были обеспечивать органы прокуратуры. Указанная тенденция первоначально развивалась не по указанию «сверху» от центральных властей, а благодаря местничеству региональной партийной номенклатуры и инициативам отдельных заинтересованных граждан «снизу». Она стала важнейшей предпосылкой для свертывания нэпа, начала коллективизации и широкомасштабных политических репрессий.

¹ *Фельдман Д. М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 290.

² *Актон Э., Розенберг У. Т., Черняев В. Ю.* Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 323.

³ *Камалова Г. Т.* Подразделение ВЧК — ГПУ — ОГПУ в системе органов государственной власти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». Вып. 29. 2012. № 7. С. 15.

⁴ *Агабеков (Арутюнов) Г. С.* Секретный террор Сталина. Исповедь резидента. М., 2013. С. 95.

⁵ *Плеханов А. М.* ВЧК — ОГПУ. Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 131.

⁶ *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ СССР (1918–1953). М., 2011. С. 73.

⁷ *Бровкин А. В.* Прокуратура Советской России в 1920-е годы // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 7. С. 109.

⁸ *Плеханов А. М.* ВЧК — ОГПУ... С. 159.

⁹ Отчет омского губернского исполнительного комитета V Губернскому съезду советов. Омск, 1923. С. 168.

¹⁰ Официальный сайт Прокуратуры Омской области. URL: http://prokuratura.omsk.ru/prok_hist (дата обращения: 10.02.2017).

¹¹ Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 4. Л. 328.

¹² Хозяйство и культурное строительство Омской губернии: отчетный материал к VI Губернскому съезду советов. Омск, 1925. С. 111.

¹³ ИАОО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 4. Л. 479.

¹⁴ *Петров М. Н.* ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995. С. 111.

- ¹⁵ *Петин Д. И.* Николай Rogozin: офицер-деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 128–129.
- ¹⁶ ИАОО. Ф. П-7. Оп. 3. Д. 207. Л. 23.
- ¹⁷ Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 6. Омск, 2002. С. 231.
- ¹⁸ Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-8390. Л. 69.
- ¹⁹ Там же. Л. 29.
- ²⁰ *Ленин В. И.* О «двойном» подчинении и законности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М., 1975. С. 199.
- ²¹ ИАОО. Ф. П-7. Оп. 4. Д. 62. Л. 46.
- ²² Там же. Л. 51.
- ²³ Там же. Л. 46.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 47.
- ²⁶ *Василевский В. П., Сушко А. В.* Руководители органов ГПУ — ОГПУ в Омском Прииртышье // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2015. № 4 (141). С. 27.
- ²⁷ ИАОО. Ф. П-7. Оп. 4. Д. 62. Л. 47.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П-8390. Л. 69–70.
- ³⁰ *Довлатов С.* Малое собрание сочинений. СПб., 2015. С. 42.
- ³¹ ИАОО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 222. Л. 125.
- ³² Там же. Л. 126.
- ³³ Там же. Л. 128–129.
- ³⁴ *Камалова Г. Т.* Подразделение ВЧК — ГПУ — ОГПУ... С. 17.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сушко А. В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 70–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.105>
УДК 947 (571.1)

Аннотация: В статье рассматривается эволюция взаимоотношений органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в Омском Прииртышье. Показано, что с конца 1922 до середины 1927 г. в органы прокуратуры в соответствии со своими полномочиями успешно осуществляли государственный контроль за деятельностью органов ОГПУ и соблюдения ими советского законодательства, проводя на практике идею «революционной законности». В 1927 г. характер отношений органов ОГПУ и прокуратуры изменился. Об этом свидетельствует «дело Парыгина». Чекисты при поддержке местной партийно-государственной элиты стали игнорировать прокурорский надзор, дискредитируя этим органы прокуратуры. К началу 1928 г. в Омском Прииртышье прокуратура потеряла авторитет и не имела поддержки со стороны партийного аппарата. В отношении граждан, находившихся под следствием органов ОГПУ, сотрудники прокуратуры не могли исполнять своих обязанностей по контролю за соблюдением их прав и законности в целом. С конца 1920-х гг. потребность правящей партии в проведении органами ОГПУ репрессивной политики в отношении крупных социальных групп населения привела к тому, что уже не прокуратура осуществляла контроль за органами ОГПУ, а чекисты вели наблюдение за органами прокуратуры вопреки действующему законодательству и докладывали его результаты партийному руководству. Теперь уже не ОГПУ было поднадзорным прокуратуре ведомством, а наоборот, вопреки советскому законодательству, прокуратура стала поднадзорна органам ОГПУ. Такая практика являлась доказательством утверждения в советском обществе во второй половине 1920-х гг. примата «революционной целесообразности», исходившей от органов ОГПУ, над «революционной законностью», которую должны были обеспечивать органы прокуратуры совместно с судами. Она стала важнейшей предпосылкой для свертывания нэпа, начала коллективизации и широкомасштабных политических репрессий.

Ключевые слова: органы ГПУ — ОГПУ, прокуратура, Омское Прииртышье, законность, новая экономическая политика.

Сведения об авторе: Сушко А. В. — д-р ист. наук, проф., Омский государственный технический университет; Омский автобронетанковый инженерный институт (Омск, Россия); alexsushko@rambler.ru

FOR CITATION

Sushko A.V. 'From Revolutionary Legality to Revolutionary Expediency: Evolution of Relations the GPU—OGPU and Prosecutors During the New Economic Policy (on the Example of the Omsk Irtysh Region)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 70–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.105>

Abstract: The article describes the evolution of relations between the GPU—OGPU and prosecutors in the Omsk-Irtysh region. It was shown that at the end of 1922 to the middle of 1927, prosecutors in accordance with their mandate successfully carried out the state control over activities of the OGPU and its compliance with Soviet legislation thereby performing in practice the idea of “revolutionary legality”. The character of relations prosecutors and OGPU was changed in 1927. This is evidenced by the “Parygin case”. Security officers with the support of the local party-state elite began to ignore the public prosecutor’s supervision, this discrediting the prosecuting authorities. By the beginning of 1928 in Omsk Irtysh region prosecuting authorities had lost influence and did not have the support of the party apparatus. With regard to citizens under investigation by the OGPU, prosecutors could not fulfill their responsibilities for monitoring compliance with citizens’ rights and the Rule of Law in general. Since the late 1920s, the need for ruling party in conduct of the OGPU’s repressive policy against wide social groups led to the fact that is not prosecutors who oversaw the OGPU, but the OGPU which, in spite of the legislation, conducted surveillance of the prosecuting authorities and reported its results to the party leadership. At that time the OGPU was not supervised by prosecuting authorities, on the contrary, prosecuting authorities began to be supervised by the OGPU despite Soviet Law. Such practices during the second half of the 1920s are evidence of approval in Soviet society the primacy of “revolutionary expediency”, which comes from the OGPU, over “revolutionary legality”, which were supposed to provide prosecuting authorities together with the courts. It became the most important precondition for the spoiling of the NEP, collectivization and large-scale political repression.

Keywords: the GPU—OGPU, prosecutors, Omsk Irtysh region, legality, the New Economic Policy.

Author: Sushko A. V. — Doctor of History, Professor, Omsk State Technical University; Omsk Automated Armored Engineering Institute (Omsk, Russia); alexsushko@rambler.ru

References:

- Agabekov G. S. *Sekretnyj terror Stalina. Ispoved rezidenta* (Moscow, 2013).
- Acton E., Rosenberg W., Chernyaev V. Ju. *Kriticheskij slovar Russkoj revolyucii: 1914–1921* (St. Petersburg, 2014).
- Brovkin A. V. 'Prokuratura Sovetskoj Rossii v 1920-e gody', *Servis v Rossii i za rubezhom*, no. 7, 2011.
- Feldman D. M. *Terminologija vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kulturnom kontekste* (Moscow, 2015).
- Kamalova G. T. 'Podrazdelenija VChK — GPU — OGPU v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti', *Vestnik Juzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. "Pravo", Vol. 29, no. 7, 2012.
- Mozokhin O. B. *Pravo na repressii. Vnesudebnye polnomochija organov gosudarstvennoj bezopasnosti. Statisticheskie sveden'ja o dejatel'nosti VChK — OGPU — NKVD — MGB SSSR (1918–1953)* (Moscow, 2011).
- Petin D. I. 'Nikolaj Rogozin: oficer-denikinec v uslovijakh sovetskoj Rossii', *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2017.
- Petrov M. N. *VChK — OGPU: pervoe desjatiletie (na materialah Severo-Zapada Rossii)* (Novgorod, 1995).
- Plekhanov A. M. *VChK — OGPU. Otechestvennye organy gosudarstvennoj bezopasnosti v period novoj jekonomichejskoj politiki. 1921–1928* (Moscow, 2006).
- Vasilevskij V. P., Sushko A. V. 'Rukovoditeli organov GPU — OGPU v Omskom Priirtysh'e', *Omskij nauchnyj vestnik*, Ser. "Obshhestvo. Istorija. Sovremennost", no. 4 (141), 2015.
- Zabveniju ne podlezhit. Kniga pamjati zhertv politicheskijh repressij v Omskoj oblasti*, Vol. 6 (Omsk, 2002).